

ПОПЫТКА БОГОМЫСЛИЯ

Бог воспринимает человека
целиком, с рожденья и до смерти,
с точки зренья вечности, в которой
времени уже не существует.

Бог воспринимает человека,
но в контексте предков и потомков.
(Даже тех, которые могли бы
появиться, но не появились.)

Бог воспринимает человека
с точки зренья еле уловимых
изменений мыслей и эмоций.
Что дела? В делах сквозит гордыня.
Бог твои намеренья целует.

Мы же видим лишь одну верхушку
айсберга — простите за красоту.
Нам легко роптать: за что младенцу —
смерть, а старику — болезнь и бедность?

Нам легко роптать: за что народам
войны, катастрофы, расселенье
по лицу земли, как иудеям?..
Нам легко роптать: за что, за что мне?

Бог ведет незримую работу,
сохраняя нам и честь, и душу.
Любит нас, а мы его не любим,
и не верим, и грешим, и ропщем.

Александр Дьячков родился в 1982 году в Усть-Каменогорске (Казахстан). В 1995 году семья переехала на Урал, в Екатеринбург. Окончил ЕГТИ (Екатеринбургский театральный институт) и Литинститут им. Горького в Москве. Публиковался в периодике Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Екатеринбурга, Саратова, Кемерово и других городов. Автор трех поэтических книг: «AD», 2004, Екатеринбург, Т. Е. П. Л. О.; «Некий незаконный человек», 2007, Екатеринбург, Издательство Ново-Тихвинского женского монастыря; «Перелом души», 2013, Екатеринбург, Издательство журнала «Урал». Участник нескольких поэтических сборников: «Разговор», 2009, Москва, Издательство Литературного института им. Горького; «А я вам — про Ерему...», 2010, Москва, Воймега, «Лучшие стихи 2011 года», 2013, Москва, ОГИ и др. Несколько стихотворений переведены на болгарский и вьетнамский языки. В 2011 году вошел как поэт в антологию Юрия Казарина «Поэты Урала». Лауреат премии им. Евг. Курдакова (2015), номинант премии ЛИТконкурс: стихи и проза (2015). Живет и работает преподавателем в Екатеринбурге.

Удивляюсь Божьему терпению.
Восхищаюсь правильной любовью,
не переходящей в потаканье,
но и в холод не переходящей.

ОТДЕЛЕНИЕ ПОГРАНИЧНОЙ ПАТОЛОГИИ

Со мною рядом лечат смешного человека — испанский арбалетчик пятнадцатого века. Вчера, после обеда, я сел к нему на «панцирь»: «Ты знаешь, Папа предал анафеме испанцев». Он так-то смотрит в стену, тут улыбнулся жидко... И снова каплет в вену оранжевая жидкость.

О, Третья мировая, мы все твои солдаты, прошлась ты, не взрывая ни бомбы, ни гранаты. Не шли мы в бой под марши, не пили перед боем, а души вроде фарша, сочащегося гноем.

Студент Степан Скамейкин все забивал на пары и загремел в армейку, а мог бы и на нары. Очкарик прыщеватый, но, видно, так достали, что стал из автомата палить по комсоставу. Мгновенья службы срочной он вечно помнить будет. И что засудят — точно, но вот кого засудят?

А нашего наркошу я выкупил случайно, засыпал он хорошей заварки в стремный чайник и, чтобы настоялся, накрыл чифир подушкой. Тут я и догадался, кто главный по кайфушкам. Он с нами не тусился, не отвечал на шутки, а все в углу молился... Исчез на третьи сутки. Ну, что сказать? Похоже, опять ушел за кайфом. Дай все что хочешь, Боже, но крест его не дай нам!

Мажор пресыщен жизнью, все так легко досталось! Но дело не в цинизме, тут жесткая усталость. Все у него в порядке, живет он по понятиям, возникнут непонятки — разруливает батя. С недоуменьем горьким он тянет сигарету... Должно быть счастье с горькой, а счастья вовсе нету.

О, Третья мировая, мы все твои солдаты, прошлась ты, не взрывая ни мины, ни гранаты. Лежат себе в палатах герои Дней Подмены. Но нету виноватых, а значит, нет проблемы.

А если б нам давали награды и медали за то, что воевали, вот, правда, с кем, не знали? Представь, красивый орден дан «За разоблачение ликующей и гордой эпохи потребления». Представь, в мечях и бантах торжественную ленту «За честный поиск правды, хоть правды больше нету». Почетная награда (ошейник, шлем и берцы) «За взятие разврата, сжигающего сердце». Нашивка «За наивность», значок «За инфантильность», а не политактивность и не успешный бизнес.

О, Третья мировая, на наш вопрос проклятый нам говорят, зевая: «Вы сами виноваты». Мы сами виноваты, и, значит, нет проблемы... Но выше нос, ребята, герои Дней Подмены!

УРАЛМАШ

Район деревянных бараков, империя сгнивших балконов. Кредит долговечнее браков, но все-таки пропасть влюбленных. Держава не бедных, а нищих, в домах не найти домофонов. Суфлерские будки на крышах. Трамваи и голуби — фоном. А трубы на крышах — кинжалы, что всажены вместе с эфесом. Июнь, и кайфуют бомжары, вольготно лежат под навесом.

Пьют пиво в подъездах, на лавках, бордюрах, аллеях и клумбах. Иду мимо окон и крупно — бухает мужик в синих плавках.

И можно глотнуть газировки, сточить пару пачек пломбира и рэпера на остановке уделать сонетом Шекспира. Потом, заедая паленку конфеткой со вкусом шампуня, попробовать склеить девчонку... Стою в эпицентре июня!

Меня провоцируют страсти, вот-вот и стрельну сигарету, опять побегу вслед за счастьем, хоть знаю, что счастье не в этом.

Но благословляю бараки, кредиты, измены и драки, отсутствие подлого счастья и даже греховные страсти. Всю плоскую эту минуту, всю пошлую нашу эпоху. (Не верю тому, что все круто. Не верю тому, что все плохо.)

Да, время и глухо, и слепо, смешно говорить о свободе — на каждом углу вход на небо, а люди почти не заходят. Но храмы открыты святы, и вечером исповедь в храме, и служат с утра литургию, и Чашу выносят с Дарами. И можно подняться над пивом, над бытом, над бредом, над модой. И стать постоянно счастливым, и быть наконец-то свободным.

* * *

Читатель, помни, я не идеал,
хотя всю жизнь писал стихи о Боге.
То, от чего я раньше замирал,
вошло в привычку подлую в итоге.

Похоже, грех мой переходит в страсть,
а та становится уже неизлечимой.
О, Господи, я маленькая мразь
под благородно-царственной личиной.

И, если честно, непонятно мне,
как Ты меня прощаешь — фарисея?
Снаружи все эффектней резюме,
внутри гниющий труп смердит сильнее.

Но я разрушу сладенькую ложь!
Всю правду вывалю, о, дайте больше правды!
Мне утешеньем сердце не тревожь.
Там черви, пауки, морские гады.

* * *

Она звонит,
ее звонок
могу узнать
из ста других.

Звонит сказать:
ты одинок,
а от меня
сбежал жених.

Лет пять назад
я был бы рад,
я б все отдал,
я снял бы крест

за мягкий тембр
и нежный взгляд,
за лживый взгляд
и пошлый жест.

Ее сожгли —
она сожгла.
И вот теперь
мне суждено

продолжить цепь
измен и зла
или порвать
в цепи звено.

СЛАВЯН

Он на все отвечает сердито,
плохо выбрит, небрежно одет,
два ребенка, четыре кредита,
ипотека на двадцать пять лет.

Не ошейник на нем, а удавка.
Он недаром в больницу залег.
Вячеслав или попросту Славка,
мой приятель, больничный дружок.

Он лежит не по первому разу.
«Здесь свобода, на воле капкан».
Эту, в общем, неглупую фразу
новичкам повторяет Славян.

Новички отвечают: «Иди ты!»
Им бы выписаться поскорей.
Как, зачем? Пиво пить, брать кредиты,
делать деньги и делать детей.

Но в гробу он видал эту лажу.
Потому что уверен Славян,
все на свете когда-нибудь скажут:
«Здесь свобода, на воле капкан».

* * *

Она не виновата.
И он не виноват.
Когда же вы, ребята,
спустились прямо в ад?

Вас маринует в банки,
закатывает быт:
жена читает гранки,
муж садик сторожит.

Зачем живую душу
плодить без перспектив?
Адам, жену послушав,
берет презерватив.

ЖАЛОБЫ РОКЕРА

Выйду ночью в поле с конем...

Русский народ «Коня» поет
и будет петь «Коня».
И что ему до моих забот?
И что ему до меня?

Я — плесень, выкидыш, тот самый урод,
без которого обошлась семья.
Русский народ «Коня» поет
и будет петь «Коня».

Я умен, знаю сто имен.
Говорят, у меня есть дар.
Но я забудусь, как глупый сон,
пройду, как ночной кошмар.

Я поэт? Нет, нет и нет!
Поэт — народа посол.
А я чужой, от меня лишь вред.
И мой удел — рок-н-ролл.

Господи, за что это нам:
быть народу чужим?
Изнывать от собственных мелких драм,
не сместь заняться большим.

Я проклят, я обречен.
На мне стоит клеймо.
Народ — живет, а я ни при чем.
Пишу сам себе письмо.

Ни корней, ни ветвей.
Швырните меня в огонь!
Но твержу, что пишу и сочней, и точней,
чем пресловутый «Конь».

Но что народу до знания нот
и что голос есть у меня?
Русский народ «Коня» поет
и будет петь «Коня».

Свиристует рэп, лопают поп,
в бороде запутался бард.
И что народу мой рок?
«Конь» — его конек,
и классика, и авангард.

Я умру, и мой рок умрет,
но до Судного дня
русский народ,
не признавший меня,
будет петь, петь и петь «Коня».